

Глава 2. Революция, контрреволюция и демократия (на примере событий в Египте)

События в ходе революций нередко принимают парадоксальный характер. Случаются, например, революции, которых не ждали сами революционеры. Нередко революционные репрессии обращаются в первую очередь против тех, ради кого, собственно, революция и затевалась. А те, именем которых свергалась старая власть, массово переходят в лагерь контрреволюционеров. Яркие монархисты или авторитаристы вдруг превращаются в демократов, а те, кто считал демократию высшей ценностью, готовятся объявить диктатуру [о парадоксах революций см. также: Goldstone 2001: 160–162]. В части 2 мы еще будем говорить о парадоксах революционных или квазиреволюционных событий, на которых здесь подробно не останавливаемся. Однако в Египетской революции обнаружили еще и собственные парадоксы.

Так, парадоксальным образом случилось, что после переворота 3 июля 2013 г. политическая риторика «Братьев-мусульман» звучала несравненно более современно, чем архаическая политическая риторика их оппонентов-секуляристов¹. «У нас есть своя собственная вера в демократию, и мы готовы за демократию умереть», – говорилось в заявлении руководства «Братьев-мусульман» 18 июля 2013 г. [Chumley 2013]. Секуляристы (и поддержавшие их военные) совершенно архаичным образом отождествляли народ с толпой на Тахрире², «Братья» же апеллировали к формальным легитимным демократическим процедурам.

¹ Однако в свете сказанного ниже в данной главе все это вполне объяснимо.

² Речь шла также о неких загадочных 22 миллионах подписей под требованием об отставке Мурси [Tamarod Petition 2013], однако никакого независимого подсчета этих подписей не производилось, реальное их количество неизвестно (речь могла идти и о нескольких десятках тысяч), и легитимность этих подписей, конечно, немногим выше, чем легитимация переворота рассуждениями о 7 миллионах египтян [см., например: Фадеев 2013], якобы вышедших на Тахрир с требованиями ухода правительства «Братьев-мусульман». Отметим, что откуда-то возникло непонятное доверие к декларируемым египтянами (начиная с революции 2011 г.) астрономическим цифрам, хотя ясно, что 7 миллионов человек на Тахрире разместиться в принципе не могут (тем более что заметная часть площади – бли-

А чуть раньше телезрители всего мира наблюдали другой парадокс. Они видели, как ликовал Египет, как были счастливы революционеры, на чьих знаменах было написано: «За демократию!» А ликовали они потому, что путем военного переворота свергнут законно, всенародно и демократически избранный президент.

Все эти парадоксы дают богатую пищу для размышления.

Почему революционеры радовались свержению законно избранного президента? Что это? Какая-то особенность Египта? Нет, это достаточно обычное и вполне закономерное развитие революционных событий. Вот почему один из главных вопросов этой главы – революция и демократия. Всегда ли они неразрывны?

«Все революции кончаются реакциями. Это неотвратимо, это закон», – писал знаменитый российский философ Николай Бердяев [1990: 29], выстрадавший эту глубокую идею собственным политическим опытом. Разумеется, Бердяев был ограничен тем историческим опытом, который имелся к началу XX в. Прошлое и нынешнее столетия продемонстрировали, что устойчивость демократических завоеваний революции в огромной степени зависит от того, на какой фазе модернизационного перехода находится общество, от его культурных традиций, внешнего окружения и ряда других обстоятельств [см.: Гринин 2009б; 2010б; 2013е; 2014б; 2014г]. Поэтому в странах, социокультурный и экономический уровень которых высок и которые уже прошли длительный период очарований и разочарований в демократии, а также циклы демократий и авторитаризма, в конце концов достаточно систематически происходят революции (либо реформы революционной глубины), после которых устанавливается вполне стабильный демократический режим. В качестве примера можно вспомнить «революцию гвоздик» 1974 г. в Португалии или «бархатную революцию» 1989 г. в Чехословакии. При этом такого рода успешные революции – «славные», «бархатные», как правило, не кровавые – проходят довольно быстро³. История такого рода политических переворотов начинается со

же к зданиям Арабской лиги и Египетскому музею – к июлю 2013 г. была уже много лет занята каким-то непонятным непреодолимым для людей долгостроем), как не может в принципе уместиться на площади перед Каирским университетом миллион человек, которые якобы выходили туда поддержать «Братьев-мусульман».

³ В известной мере даже революция 1870–1871 гг. во Франции подходит под этот стандарт, если не считать эпизода с Парижской коммуной. В то же время опыт некоторых успешных стран, в частности Южной Кореи и Индонезии (насколько ее можно считать успешной на

Славной революции 1688 г. в Англии, но особенно ими богаты последние десятилетия человеческой истории. Если же общество недостаточно модернизировалось (в том числе и в демографическом плане⁴), в нем много неграмотных, велик процент негородского населения, сильно влияние традиционалистов и т. д., то «закон Бердяева» о смене революции реакцией имеет высокие шансы реализоваться. Через какое-то время идея демократии может вновь внести свой вклад в генерирование нового революционного взрыва. При этом в истории бывали случаи, когда демократия и авторитаризм неоднократно сменяли друг друга. Кроме того, надо иметь в виду, что в подобных обществах перед революцией стоят очень масштабные задачи. Соответственно глубина ее может быть большой, отсюда и высокая сила сопротивления. Недаром сам Бердяев, продолжая свою мысль, писал: «И чем неистовее и яростнее бывали революции, тем сильнее были реакции. В чередованиях революций и реакций есть какой-то магический круг» [Бердяев 1990: 29]. Очень характерным был пример Китая, который после первой в его истории демократической Синхайской революции 1911 г. в скором времени попал под диктатуру Юань Шикая; неоднократно демократические институты пытались восстановить, но в итоге Китай погрузился в пучину анархии и гражданской войны на долгие десятилетия.

Путь к устойчивой, стабильной демократии долгий и сложный⁵. В любом случае для этого нужны соответствующие экономиче-

сегодняшний день), свидетельствует, что на известном этапе модернизации авторитаризм может способствовать ее продвижению. Однако именно в этом случае авторитаризм объективно готовит почву для своего собственного ограничения и последующей политической демократизации [см. подробнее: Прозоровский 2009]. Однако важно отметить, что этап авторитаризма нередко оказывается исключительно важным и необходимым. Недаром некоторые современные исследователи революции особое внимание уделяют стабильности режима [Goldstone 2001].

⁴ Структурно-демографические факторы, систематически генерирующие социальные взрывы в процессе модернизации, подробно рассматривались в наших предыдущих публикациях [Гринин 2009б; 2010б; 2011а; 2012а; Гринин и др. 2009; Гринин, Коротаев 2009а; Халтурина, Коротаев 2006е; Коротаев 2008б; Коротаев, Гринин и др. 2010; 2011а; Зинькина, Коротаев 2010; 2012; 2013; Коротаев, Зинькина 2010б; 2011а; 2011б; 2011в; 2012б; 2013; 2014; Коротаев и др. 2011; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Ходунов и др. 2012; Коротаев, Ходунов 2012; Ходунов, Коротаев 2012; Коротаев, Малков 2014; Коротаев, Исаев 2014б; Коротаев, Исаев, Руденко 2014; 2015; Васильев и др. 2014; Khaltourina, Korotayev 2004; Grinin 2012а; Grinin, Korotayev 2012; Korotayev 2014; Korotayev, Zinkina 2011а; 2014; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev, Issaev, Shishkina 2013; 2015; Turchin, Korotayev 2006; Zinkina, Korotayev 2014а; 2014б; Korotayev, Malkov, Grinin 2014]. См. об этом также в *Главах 1 и 7*.

⁵ Причем как в каждой отдельной стране, так и в мире в целом. Звучит парадоксально, но в 1990 г. демократические системы существовали примерно в 45,4 % независимых госу-

ский, социальный и культурно-гуманитарный уровни общества. Повторим, что в странах, где много неграмотных, большой процент сельского населения, низкий уровень жизни, либеральная демократия, как правило (из которого, впрочем, известны некоторые важные исключения), не приживается надолго. Модернизация стран (по крайней мере, сколько-нибудь крупных) всегда идет неравномерно. В результате в модернизирующихся государствах формируется достаточно модернизированный центр и слабо модернизированная, склонная к консерватизму периферия/«глубинка», где и обитает большинство населения/«народ» [подробнее об этом см. *Главу 6*, а также, например: Гринин, Коротаев 2013; 2014а; Коротаев, Исаев 2015в; Korotayev, Issaev, Zinkina 2015]. В рамках такого контекста оказывается, что революционеры, которые радеют за народ, систематически разочаровываются в нем, в его консерватизме, в том, что он на каком-то этапе начинает голосовать не так, как хотелось бы либералам/радикалам, что он скорее предпочитает порядок и стабильность, привычные и понятные порядки и формы непонятым политическим и идеологическим лозунгам, нечто материальное – «нематериальным» на первый взгляд свободам. Нужны длительный путь, собственный политический опыт целых поколений, постепенное их раскрепощение, культурно-гуманитарное развитие, чтобы свободы и демократия обрели статус таких ценностей, которые дороги большинству⁶. Важно также учитывать, что устойчивость демократии зависит главным образом не от того, насколько демократична конституция, а от того, насколько политические институты и акторы «притерлись» друг к другу и готовы

дарств мира, то есть речь идет практически о таком же проценте, что и 70 годами ранее, в 1922 г. [см.: Хантингтон 2003: 36], при этом число демократических государств за это время значительно выросло, но столь же значительно выросло и общее число государств. О факторах становления демократических политических систем см. также, например: Гринин 2006; Гринин, Коротаев 2013; 2014а; Коротаев 1995б; Коротаев, Бондаренко 2001; Grinin 2004а; 2004б; Korotayev, Bondarenko 2000; Korotayev 2003.

⁶ То есть сначала нужно в культурно-гуманитарном плане дорасти до такого уровня, чтобы могла совершиться реальная демократическая трансформация, иметь собственную интеллигенцию, определенный уровень заимствований из мировой культуры, политические формы и т. п. Но требуются еще более высокий гуманитарно-культурный уровень и одновременно значительное изменение социальных условий, чтобы демократия прижилась. Кроме того, демократия – это не просто идея, это часть образа жизни, и чтобы она прижилась, ей необходимо стать реально важной частью образа жизни. Но быстро изживая себя в молодых демократиях, она не успевает войти в образ жизни в качестве реально важного элемента. Получается порочный круг, разорвать который удастся иногда только с нескольких попыток, когда сложатся соответствующие социально-экономические условия.

соблюдать правила игры. Выдающийся французский социолог Р. Арон справедливо указывал в своем глубоком исследовании *Демократия и тоталитаризм*, что «устойчивость и эффективность обеспечиваются не конституционными правилами как таковыми, а гармонией этих правил и партийной системы, природой партий, их программами, политическими концепциями» [Арон 1993: 125]. Естественно, что на все это требуется весьма значительное время. Сходные мысли, связанные с высокими требованиями к обществу, его лидерам и бюрократии, высказывал и такой крупный мыслитель, как Й. Шумпетер [1995: 378–385]. Он, в частности, считал, что для успешной работы демократической системы «человеческий материал политики – люди, которые составляют партийный аппарат, избираются в парламент, возвышаются до министерских постов, – должен быть достаточно высокого качества»; необходимо, чтобы бюрократия была высокого качества, обладала сильно развитым чувством долга и чувством чести мундира (в эти понятия, естественно, не вписывается коррумпированность или nepotизм). Также требуется «демократический самоконтроль» [Там же]⁷. Таким образом, народ (или его большинство) в итоге может неосознанно предать идеалы революции и саму демократию. С другой стороны, бывают ситуации, когда трезвая практичность населения оказывается мудрее высших идеалов и устремлений образованного радикально-революционного большинства. Тогда народ чутьем выбирает такого лидера, который (при всех его недостатках, пороках, эгоизме) в целом ведет страну по среднему, наиболее верному пути (отходя в важных отношениях от прежнего дореволюционного курса, но и не стремясь во что бы то ни стало воплотить лозунги революции). Пример Наполеона III в этом отношении достаточно характерен. Но бывают ситуации (как мы это видим сейчас в некоторых странах Ближнего Востока), когда отказаться от демократических принципов вполне может и революционное меньшинство, раввавшееся к власти как раз под лозунгами установления демократии.

⁷ Эти мысли об уровне бюрократии, необходимом для установления демократии, также подтверждаются фундаментальным исследованием М. Вебера о бюрократии, ее характеристиках, которые, по его словам, не встречались в своей совокупности до начала XX в. нигде, кроме некоторых европейских государств [Weber 1947]. Причем этот тип бюрократии устанавливался в Европе начиная с XVII в., в том числе не в последнюю очередь потому, что в европейских государствах уже были значимые элементы демократии и самоуправления [см.: Гринин 2010ж].

А консервативное большинство может оказаться более приверженным принципам демократии. И ничего удивительного здесь нет. Как мы уже отмечали выше, в процессе модернизации быстрее модернизируется центр, в результате чего «либеральное/революционное» меньшинство в «столицах» оказывается окруженным консервативным, а то и «контрреволюционным» большинством «глубинки». **В этих условиях рост приверженности к демократии у консервативного («реакционного») большинства вполне естественен. Если эти люди представляют собой большинство, то при честном проведении выборов именно они имеют самые большие шансы прийти к власти совершенно демократическим путем. А вот среди революционного («прогрессивного») меньшинства приверженность демократическим идеалам может очень даже поколебаться, ведь для него честные выборы будут, скорее всего, означать поражение.**

Даже в тех обществах, где демократия оказывается урезанной за счет манипуляций «партии власти», значительная часть общества, а нередко и его большинство настроено лояльно к власти (даже если в чем-то и недоволено). И соответственно это большинство настроено консервативно. Поэтому в принципе авторитарные правители в таких обществах могут победить и при честных выборах, но, конечно, не с тем преимуществом, как при сфальсифицированных (80–90 %). Иными словами, теоретически иной раз такие правители могли бы обойтись и без фальсификаций, но здесь уже начинает работать в собственном режиме система «контролируемой демократии», которая вынуждает руководителей на местах продемонстрировать свою лояльность и при которой не очень убедительное большинство на выборах воспринимается уже как вотум недоверия автократическому лидеру.

Возвращаясь к вопросу о соотношении революции и демократии, стоит вспомнить, что гениальный политик В. И. Ленин подчеркивал: «...коренной вопрос всякой революции есть вопрос о власти в государстве» [Ленин 1969б (1917): 145]. На ранних фазах модернизации революционеры, которые слишком преданы своим первоначальным лозунгам, практически неизбежно проигрывают, потому что эти лозунги при всей своей заманчивости в настоящей ситуации, хотя и воодушевляют массы, несбыточны. Поэтому логика революции заставляет находящихся у власти революционеров

не считаться с демократией или даже «душить» ее (как это было, например, после того, как большевики разогнали Учредительное собрание). В противном случае на место тех, кто слишком предан революционным идеалам, приходят тем или иным путем (чаще недемократическим) другие. Последние менее привержены идеалам демократии, но более – радикализму, углублению социальных насильственных изменений, усилению власти и себя во власти. История Великой французской революции 1789–1794 гг. и далее, вплоть до Наполеона, является классическим примером в этом плане.

П. Сорокин, исследовавший историю и типологию многочисленных революций в Древнем мире (а в полисах Греции и Римской республике напряженная социально-политическая борьба групп граждан между собой за власть и права была едва ли не более постоянным явлением, чем спокойные периоды), указывал, что голод и/или война обычно стоят у истоков революции [Сорокин 1992а; 1992б; 1994]. В. И. Ленин также считал «обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов» одним из главных признаков революционной ситуации [Ленин 1969а (1917): 218]. Более современные исследования, однако, установили несколько иное: революции обычно предшествует довольно длительный период роста уровня жизни населения [см., например: Davies 1969; применительно к египетской революции см.: Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; 2011в; Гринин, Коротаев 2014а]. Но подобный рост связан с таким же, а обычно и более высоким ростом социального расслоения и неравенства. Это обостряет социальные отношения в обществе, вызывает к жизни идею, что достигнутый уровень жизни у части населения должен стать достоянием большинства. Одновременно с этим в связи с модернизацией общества появляется более или менее многочисленный слой интеллигенции (и студентов как ее ударного отряда), которая претендует – соответственно своему образовательному уровню – на более высокий уровень жизни, но естественно, что почти всегда количество выгодных мест ограничено и распределено.

Особенно важно, что возникает ситуация завышенных ожиданий, когда рост уровня жизни отстает от ожиданий значительной части населения, а рост неравенства вкупе с различными вопиющими нарушениями принятой в обществе справедливости со сто-

роны власть имущих создает горячий материал для недовольства. При этом особо взрывоопасная ситуация создается, когда после периода уверенного роста вдруг случается какая-то пауза, в которой власти соответствующей страны зачастую реально не виноваты. А кому удалось пройти модернизационный переход совсем уж без затруднений? Практически никому⁸. В этом случае ожидания основной массы населения (как, впрочем, и элиты) продолжают по инерции идти вверх, а реальный уровень удовлетворения этих ожиданий снижается (это так называемая «кривая Дэйвиса» [Davies 1969; см. также, например: Гринин, Коротаев 2012б; Коротаев 2014]). В результате разрыв между ожиданиями и их удовлетворением достигает критического уровня и происходит социальный взрыв. Применительно к Египту это относится не только к Мубарак, но едва ли не в большей степени к Мурси. Ведь именно после революции 25 января ожидания жителей египетских столиц (Каира и Александрии) стремительно возрастали, а уровень их удовлетворения не менее стремительно стал обрушиваться. Это породило «разность потенциалов», которая во многом и обусловила падение первого демократически избранного президента Египта. Но та же «разность потенциалов» может оказаться смертельно опасной и для новых египетских режимов.

Каким образом сказанное о разрыве между ожиданиями и их удовлетворением связано с демократией? Прежде всего демократия может стать ключевой идеей оппозиции, тем волшебным ключом, с помощью которого, по ее мнению, можно решить социальные проблемы (естественно, предполагая, что демократия – такая система, при которой к власти обязательно придут правильные лидеры, то есть оппозиционеры). А поскольку у власти находится жесткий режим (принципиально недемократический или узурпировавший демократию), который, естественно, противится быстрому введению демократии, его свержение становится самоцелью. Он олицетворяет все зло в обществе (которое с его падением соответственно исчезнет). За режимом не признается ничего положительного, ценного, прогрессивного (все его реальные достижения счи-

⁸ Подробнее см.: Гринин 2011а; 2013б; Гринин, Коротаев 2012б; Коротаев, Халтурина и др. 2010; 2011; Коротаев 2012а; Коротаев, Малков 2014; Grinin 2012с; Korotayev *et al.* 2011; Korotayev 2014; Korotayev, Malkov, Grinin 2014.

таются совершенными сами по себе или даже испорченными этим режимом, без которого все достигнутое стало бы намного лучше).

Однако несмотря на недовольство, в той или иной степени охватившее почти все общество, фактически идеи демократии проникают только в определенные его слои, не составляющие не только большинства, но и сколько-нибудь значительного меньшинства. Для большинства населения, ограниченного как своим культурным кругозором, так и сравнительно узкими жизненными проблемами, демократия является пустым звуком (либо чем-то, что кто-либо каким-то образом установит без их реального участия)⁹. Идеологизированное меньшинство может при определенных условиях увлечь равнодушное (к демократии, но не к собственным проблемам) большинство, в этом случае может сложиться революционная ситуация. Но отсюда очень далеко до упрочения демократии.

Здесь уместно рассмотрение вопроса о соотношении революционного меньшинства и большинства в разных ситуациях. Революционное меньшинство сильно своей активностью, напористостью, умением организовать для совместных акций и т. п. Поэтому оно наиболее заметно на политической сцене революции, оно впереди, оно на первых порах как бы представляет все общество. Кроме того, радикалы/либералы искренне убеждены, что они и есть общество, что их лозунги обязательны для общества (действует логика: кто против – враг революции, кто не с нами, тот против нас). И если революции верхушечны, не приводят к всеобщей демократии (так нередко было в XIX в., например, в Латинской Америке или в Испании), то основная часть населения может

⁹ Неявка на выборы в России, даже когда массовая явка могла бы оказать решающее воздействие, – весьма характерный пример. При этом у огромной части населения (особенно у молодой) едва ли не одновременно с появлением возможности участвовать в выборах выработался стойкий идеологический нигилизм – не принимать в них участия. Зачем на них ходить? Какой смысл? Все равно ничего не изменится. Что значит мой голос? Причем, казалось бы, совсем нетрудно сходить и проголосовать. Но возможно, и трудно, поскольку требуется сделать выбор. С другой стороны, в таком нигилизме, вероятно, была очень большая доля правды. Другая часть российского населения ходила и ходит на выборы по привычке, «говорят – надо, значит, надо», но также не для того, чтобы сделать сознательный выбор. В любом случае не подлежит сомнению, что данный нигилизм одной части населения, как и исполнительность другой его части, оказались весьма на руку партии власти и всякого рода политическим проходимцам. Данный пример объясняет, как политическая пассивность или апатия может демократическим образом поддерживать определенные силы у власти. К. Каутский называл такие народные массы, вовлеченные в выборы, «голосующим скотом» [Каутский 1931].

оказаться вне политики. Революцию делает достаточно массовое, но все-таки меньшинство. Отсюда, кстати, возникла одна из важных причин неустойчивости революционных правительств, поскольку массы в целом достаточно равнодушно воспринимали и их свержение. Но если немедленно вводится (как сегодня) всеобщее и честное голосование (то есть без фальсификаций, поскольку формально всеобщее избирательное право сегодня есть почти везде), то соотношение между революционным меньшинством и призванным высказаться большинством (которое тем самым становится по факту демократическим, но без убежденности в ценности демократии) может существенно измениться. Пример Египта это хорошо показал. На фоне митингов и экзальтации казалось, что весь народ реально ждал радикальных перемен в духе западной демократической и либеральной идеологии, но на самом деле основная или очень большая масса народа была привержена иным ценностям. Однако из-за того, что демократическая система правления в определенной ситуации может оказаться фактически выгодной консервативному («реакционному») большинству, эта система становится все более популярной среди него, и наоборот, все более непопулярной – среди рвавшегося к власти под демократическими лозунгами революционного («прогрессивного») меньшинства.

Вне всякого сомнения, активность, организованность, пропаганда и напористость революционеров играют немаловажную роль и на выборах, но все же значительно меньшую, чем в организации митингов и акций. Одними акциями на выборах победить оказывается уже сложно. Поражению революционеров в очень большой степени могут способствовать разногласия между ними (для внешнего наблюдателя не слишком важные, для самих партий – определяющие).

В результате такого поворота, когда демократические выборы, ради которых как будто революция и делалась, дают победу консервативным силам, наступает час истины. Что важнее для революционеров: идеалы демократии (ради которых надо уходить в оппозицию и упорно работать несколько лет, чтобы прийти к власти на следующих выборах) или революция, то есть постоянное ниспровержение и эскалация изменений в обществе? Вопрос решается по-разному различными политическими силами, в разных странах и в разных ситуациях.

Бывают политические силы, которые оказываются неспособными переосмыслить ситуацию и отойти от своих догм. Так, меньшевики в период Гражданской войны оказались неспособными примкнуть ни к белым, ни к большевикам и исчезли как политическая сила. Но очень часто именно революционность, то есть стремление разрушать прежние институты, становится важнейшей (с одной стороны, ради неких принципов революции, которые все более размываются, с другой – чтобы благодаря этому так или иначе быть у власти). Примером могут служить украинские «революционеры» настоящего времени, находящиеся у власти, которые постепенно отказываются от принципов, ради которых все затеялось, но усугубляют уничтожение прежних отношений и представлений. Еще одним вариантом выступают участвовавшие попытки не признавать результаты выборов, если они невыгодны. В последние десятилетия любая неудача радикалов, сменивших правительство (или заставивших его провести свободные выборы), но не сумевших победить на выборах (когда ненавистное правительство реально дает им такую возможность), объясняется фальсификацией выборов. Пример «цветных революций» на постсоветском пространстве, в Сербии и других местах наглядно это подтверждает. Тогда революционеры стремятся к силовому решению вопроса. Логика такова, что главное не уважение к демократии, а свержение противника во что бы то ни стало¹⁰. Логика эта вполне понятна и объяснима. Однако здесь пути революции и демократии расходятся.

Словом, в обществе, где демократические ценности еще не устоялись, получается примерно по принципу: «Мы за демократию, если наш кандидат выиграет на выборах. А если нет, то такая демократия нам не нужна»¹¹. Умение проигрывать, признавая цен-

¹⁰ Революция, как и любая политика, редко делается в белых перчатках – так или иначе имеют место провокации, дезинформация, обман, закулисные соглашения... Нередко провокации предполагают разжигание враждебности к правительству или оппонентам с помощью прямых или косвенных убийств (скажем, в виде стрельбы из толпы – в отношении революций 1848 г. это хорошо описано у С. А. Нефедова [2008]), что вызывает эскалацию насилия, создание боевых дружин и т. п. Все это ведет к тому, что насильственные действия и другие не очень популярные средства становятся нормой. Пример действий оппозиции на Украине (в феврале 2014 г., когда митингующие были расстреляны снайперами при до сих пор не выясненных, но очень подозрительных обстоятельствах) только подтверждает сказанное. Соответственно и нарушение демократии в условиях стремления к победе над противником уже не воспринимается как нечто ужасное. См. также о снайперах-провокаторах у сирийской оппозиции в *Главе 3* (с. 92).

¹¹ Выборы в Карачаево-Черкесии (в 1999 г.) и Южной Осетии (в 2011 г.), когда противники не признавали победу другой стороны, в результате чего возникли политические кризисы, являются весьма показательным примером.

ность правил демократической игры, независимо от того, кто придет к власти, умение ждать новых выборов и упорно работать ради победы на них – это и есть, по сути, показатель готовности общества к демократии.

Поскольку во многих случаях революции происходят в обществах, в той или иной степени не готовых к демократии и находящихся на еще незавершающих фазах модернизации, **пути демократии и революции должны раньше или позже разойтись**. Если они совпадают на относительно ранних стадиях модернизации, то это скорее исключение, чем правило. Да, повторим, мы не забываем про «бархатные революции» в Чехословакии и других странах Восточной Европы, Славную революцию в Англии, «революцию гвоздик» в Португалии и т. п. И очень бы хотелось, чтобы все революции развивались по такому сценарию. Однако на не самых продвинутых стадиях модернизации это почти невозможно, потому что «бархатные революции» – уже венец долгого социального и политического пути.

Рассмотрим подробнее, почему все-таки пути революции и демократии в странах, где демократия не устоялась, должны разойтись. Помимо уже описанных выше (неготовности общества, идеализации демократии и прочего), для этого существует ряд причин.

Во-первых, выясняется, что одной демократии для осуществления целей революции абсолютно недостаточно и одной демократией сыт не будешь. Демократия в идеале мыслится как средство, с помощью которого можно будет заменить плохое правительство хорошим, что автоматически приведет страну к процветанию. В реальности, конечно, этого не может быть. Требуется конкретное и компетентное управление, чтобы решать конкретные дела. Но революционеры, как правило, не умеют их решать. Они либо должны оставить у власти старых функционеров и управленцев, которые так или иначе являются профессионалами, но в этом случае во многом все идет прежним путем с теми же злоупотреблениями; либо заменить их, но тогда получается еще хуже, поскольку революционные преобразования обычно ведут к ухудшению экономического положения (о примере Туниса см. в *Главе 7*, пример Украины вновь довольно ярко это подтвердил).

Во-вторых, поскольку быстрого чуда и всеобщего улучшения не произошло, а революционные акции и массовая раздача обеща-

ний ведут к ухудшению положения в стране, крайне необходимо найти в этом виновного, чтобы «перевести стрелки» народного недовольства. Но до уважения ли к демократии тогда? Будут ли революционеры или радикалы (если у власти стоят умеренные революционеры) спокойно ждать несколько лет, чтобы победить на следующих выборах? Разумеется, нет, революционная эпоха – не то время, когда живут спокойно. Всем нужно что-то быстро, немедленно и бескомпромиссно полно. А радикалы, если будут ждать, потеряют свое влияние, массы рядовых революции задают неудобные вопросы и т. п. В этом случае демократически избранное или переходное (временное) правительство оказывается между молотом и наковальней (то есть между радикалами, недовольными, что ситуация ухудшается, и консерваторами, недовольными переменами и беспорядком).

В-третьих, массы, для которых главное – решение их конкретных и сиюминутных материальных проблем (чем кормить детей и т. п.), начинают разочаровываться в демократии. В целом все больше людей перестают связывать решение острых социальных проблем с абстрактной идеей демократии, а связывают их конкретно с тем, что нужно бороться с врагами революции, президента, партии, ислама, социализма или чего-то еще, с богатыми, бывшими функционерами, олигархами и т. д. и т. п. Это для них понятнее и конкретнее. Таким образом, создаются все условия для радикализации и углубления революции. Но, как мы помним, чем радикальнее революция, тем вероятнее, что она сменится реакцией¹².

Р. Арон [1993: 141] важным условием устойчивости либерального режима считает необходимость уже на начальном периоде развития конституционного режима ограничивать требования масс.

¹² Реакцию принято воспринимать почти однозначно со знаком минус, только как нечто однозначно негативное (а революция ассоциируется, хотя и не столь однозначно, с чем-то позитивным, в том числе и из предположения, что она ведет к демократии). Однако вряд ли это всегда оправданно. Реакция нередко играет достаточно позитивную роль, становясь на пути эскалации революционных эксцессов, создавая более сбалансированные и жизнеспособные формы. Иногда позитивные аспекты в процессах политической реакции даже более выражены, чем негативные. Так, термидорианскую реакцию 1794 г. можно рассматривать именно как вполне здоровую попытку французской политической элиты прекратить разгул якобинского террора, вызвавшего ожесточенную гражданскую войну во многих провинциях, и перейти к более жизнеспособной социально-политической системе. Можно также увидеть позитивную составляющую в бонапартистской реакции на французскую революцию 1848 г. и т. д.

Далее он пишет: «Рассмотрим ситуацию во Франции в 1848 г. Замена монархии республикой не увеличила ресурсы общества и производительность экономики. Чтобы возросли доходы народных масс, мало назвать режим республиканским или демократическим. Революционные перемены не могли породить надежд и требований. И режим неизбежно стал жертвой разочарований» [Арон 1993: 141]. Однако совершенно понятно, что революционные массы поддерживают революции не ради того, чтобы умерить свои требования и ждать. Им кажется, что они и так слишком долго ждали. Однако поскольку поспешные и неумеренные требования выполнить невозможно, страна в результате может скатиться к экономической катастрофе, а демократический режим может быть свергнут.

В-четвертых, в этих условиях выясняется, что число истинных демократов очень мало по сравнению с теми, кто стремится к власти или иным благам. В модернизирующемся, относительно бедном и пропитанном сверху донизу определенными предрассудками и недостатками обществе не может быть иначе. Н. Г. Чернышевский в романе «Пролог» писал о николаевской России: «...снизу доверху, все сплошь рабы». В неправовом, недемократическом обществе точно так же все действуют нелегитимно, так или иначе нарушают законы (пусть плохие законы, по которым трудно жить, но нарушают, обвиняя в этом всех, кроме себя); все мыслят недемократически, даже те, кто борется за демократию. Лишь горсточка людей способна следовать своим принципам, но они не делают погоды.

В-пятых, в целом у демократии как политической системы, в которой мирятся с поражением и спокойно работают в оппозиции, в условиях революции оказывается крайне узкая социальная база. А для того, чтобы быть у власти, необходима поддержка достаточно широких слоев населения. В итоге принципами демократии начинают жертвовать. Демократия в той или иной форме может сохраниться, но в усеченном и искаженном виде (кого-то начинают лишать права голоса, какие-то партии запрещают как врагов революции, кого-то надо назначать, а не избирать и т. п.), хотя в общественном сознании такая подмена оказывается на какое-то время незаметной.

В-шестых, демократические институты в чистом виде для революции не годятся. Радикальные революционные преобразования довольно часто осуществляются через учредительные или конституционные собрания, парламенты и прочее. Но это хорошо вначале, для наиболее назревших или консенсусных изменений. Революция – это ломка, часто радикальная, крутая и жестокая. И это всегда быстрая ломка. Обычные парламентские процедуры с длительным обсуждением, затягиванием, уважением к правам меньшинства здесь никого не устраивают. Поэтому через собрание, парламент, совет, меджлис могут быть проведены законы или декреты, направленные на радикальные преобразования, но во главе всегда должен стоять некий орган диктатуры (партия, ЦК, исполком, лидер, президент, особый совет и т. п.), который опирается главным образом на революционный источник власти, а потому неподконтролен парламенту. Именно там решаются основные вопросы, которые потом выносятся на утверждение. При этом демократические или псевдодемократические утверждения судьбоносных и закладывающих основы документов или решений очень часто используются для закрепления власти в руках победившей стороны. Именно так поступил Мурси с конституцией. После его свержения в Египте ввели новую конституцию. Вспомним, что едва ли не первое, что сделал временный президент Египта Адли Мансур, было издание указа о принятии новой Конституционной декларации. Документ предполагал созыв Конституционной ассамблеи для подготовки нового основного закона страны и затем проведения референдума, который и состоялся в январе 2014 г. [см., например: Исаев, Коротаев 2014б].

Неудивительно, что диктаторы так любят референдумы, которые закрепляют их власть. *Демократические институты на деле оказываются инструментами закрепления авторитаризма.*

Таким образом, чистая и полномасштабная демократия, которую стремится закрепить революция, на самом деле рано или поздно, но в целом довольно скоро начинает противоречить как истинным целям революции, так и иным политическим (партийным, групповым и личным) целям и условиям.

Демократически избранная власть (или даже переходное про-демократическое правительство) либо свергается, либо оказывается так или иначе, полностью или частично отделена от демократии

(то есть трансформируется в псевдodemократический орган вроде Долгого парламента в Англии)¹³.

Не забудем, что коренным вопросом революции всегда является вопрос о власти, поэтому демократия приемлема только до тех пор, пока она поддерживает власть наиболее сильной группы, партии, социального слоя и т. п.

Полномасштабная и всевластная демократия не подходит для революционных преобразований, в обществе отсутствуют необходимые институты и умение жить по демократическим законам, а революция – это всегда борьба между крупными противоборствующими силами, в которую вовлечены широкие массы людей. По этим причинам как *в ходе революции, так и в послереволюционном режиме полная демократия редуцируется и трансформируется в самой разной степени и самыми разными способами* в зависимости от особенностей общества, исхода политической борьбы и других обстоятельств. Вновь повторим, в обществах, уже прошедших модернизацию, почти готовых к демократии, такая редукция может быть незначительной (вроде запрета избирать на должность бывших коммунистов и т. п.).

Здесь следует учесть, что исторически всеобщая демократия, которая сегодня взята за образец, устанавливалась далеко не сразу, а постепенно, чаще всего как цензовая. Даже в США, глубиной демократии которых так восхищался Алексис де Токвиль [1993], демократия была далеко не полной. Права голоса были лишены индейцы, афроамериканцы, женщины и значительная часть мужчин европейского происхождения (получивших право голоса не сразу, а лишь в ходе правления президента Джексона). К тому же выборы президента были ступенчатыми (и в то время эта ступенчатость была весьма реальной). А в Англии, колыбели демократии, в 1830 г. право голоса имели лишь несколько процентов взрослого населения. Во Франции в 1789 г. часть Генеральных штатов, провозгласивших себя сначала Национальным, а затем Учредительным собранием, приняла много знаменитых документов. Но не надо забывать, что правила выборов в Генеральные штаты были весьма далеки от сегодняшнего представления о демократии. Стоит отме-

¹³ Повторим, мы говорим об обществах на достаточно ранних стадиях модернизации; общества более модернизированные нередко могут сделать послереволюционный режим устойчиво либеральным.

тить, что участие женщин в выборах в странах, подобных Египту (где достаточно велик процент неграмотных именно среди женщин), усиливает возможности консервативных политических сил (что, впрочем, может оказывать и стабилизирующий эффект).

Подобно тому как эмбрион проходит эволюционные стадии развития своего вида, так и недемократические общества, которые стремятся к демократии, проходят стадии эволюции демократии, связанные с ее ограничениями. Но поскольку сегодня это нельзя закрепить законодательно введением каких-то цензовых ограничений, *во многих случаях демократия ограничивается другими способами, зачастую и нелегитимными. Но в целом в не достигших нужного уровня обществах демократия по указанным выше причинам не может действовать в полном масштабе.*

В ходе революции ограничения бывают связаны с попытками закрепить политические преимущества, а также с революционным или контрреволюционным насилием (оба случая мы наблюдаем в Египте), с действием какого-то мощного идеологического или иного центра (например, Ирана), с введением имущественных или политических цензов, уничтожением или арестами лидеров оппозиционных сил и объявлением политических противников вне закона (как это произошло в Египте после переворота 3 июля 2013 г., когда организацию «Братья-мусульмане» объявили террористической), ограничением свободы слова или объединений, созданием неконституционных репрессивных органов и т. д.¹⁴.

В послереволюционном режиме также действуют ограничения демократии либо она заменяется полной или частичной ее имитацией. В ряде случаев устанавливается какой-либо баланс между авторитарной властью и системой выборов с реальными, хотя и ограниченными, демократическими процедурами. Примером является Исламская Республика Иран, где уже с начала 1980 г. стала формироваться состязательная система выборов президента, хотя кандидатов отбирал Совет наблюдателей республики. В современном мире наиболее распространенными формами ограничения всеобщей демократии (без которой правительства лишь немногих обществ чувствуют себя легитимно) являются в совокупности фаль-

¹⁴ На Украине используются законодательные ограничения, явно противоречащие Конституции и подписанным страной международным документам. Например, в отношении Коммунистической партии.

сификация выборов в разной форме и ограничения политических противников (Белоруссия, Украина), конституционно-правовые ухищрения (Россия демонстрирует замечательные примеры в этом плане). Могут быть и особые случаи: наличие неконституционной или конституционной, но недемократической силы, которая имеет огромный авторитет (Иран). Существуют и иные формы. Наиболее распространенным остается военный переворот либо попытки осуществить очередной революционный переворот (Грузия, Киргизия дают много примеров этого). Вмешательство военных происходит либо в случае, когда демократическое правительство разлагается и деградирует, либо когда страна заходит в политический тупик. Так или иначе происходит коррекция пути, по которому развивается демократия. С другой стороны, и военные обычно не могут бесконечно и даже слишком долго оставаться у власти, не легитимизируя режим, то есть вынуждены вновь отдавать власть гражданским лицам и проводить выборы.

Таким образом, общий политический курс развития модернизирующихся обществ в целом идет вдоль демократического тренда (все более приближаясь к идеалу), однако колебания вдоль него бывают очень сильными и болезненными. И развитие может оставаться незавершенным, продолжая вращаться в круге контролируемой демократии.

В отношении Египта очевидно, что последние президентские выборы, на которых победил Абдул-Фаттах Халил Ас-Сиси, прошли в мае 2014 г. в усеченном виде даже в сравнении с прошлыми выборами (которые также были усеченными) [см., например: Васильев, Исаев, Коротаев 2014; Коротаев, Исаев 2015б]. Однако путь к настоящей демократизации еще очень долгий (необходимо устранить неграмотность и другие проблемы), зато вероятность новой диктатуры в форме контролируемой демократии и военной силы, стоящей за властью, весьма велика, тем более с учетом репрессивной политики военных по отношению к «Братьям-мусульманам» и активной антиправительственной борьбы последних, а также попыток сделать ситуацию более нестабильной со стороны различных террористических сил, в частности ИГ.

Есть еще один важный момент, который объясняет, почему порой демократия не устанавливается в послереволюционном обществе или быстро в нем деградирует. «Демократия – наихудшая

форма правления, за исключением всех остальных», – сказал У. Черчилль. Для обществ, только вступающих на этот путь, особенно важна первая часть фразы. У демократии (как и у свободного рынка, частной собственности) много пороков. Но зрелые демократические общества, помимо всего прочего, нашли те или иные способы их минимизации. Зато в молодых демократиях эти пороки приобретают гротескные формы. И приобретение иммунитета от таких «детских болезней» демократии – дело долгое и болезненное. В итоге общество может получиться уродливым (также как при отсутствии иммунитета к частной собственности и свободному рынку, весьма эгоистичным институтам, если их не ограничивать). Ясно, что введения формальных демократических институтов абсолютно недостаточно, поскольку они, включая многопартийные выборы, часто скрывают и даже легитимизируют «реальное доминирование авторитаризма» [Diamond *et al.* 1995: 8; см. также: Diamond 1999].

В завершение отметим: переход к демократии от авторитарного режима, условно говоря, может осуществляться тремя главными путями: революционным (снизу и быстро), путем военного или государственного переворота и реформационным (сверху и постепенно). В прежние эпохи путь реформ был почти невозможен, поэтому путь к демократии прокладывался через революции и контрреволюции, хотя уже в XIX в. можно говорить о некоторых относительно успешных примерах реформаторского становления демократии (или хотя бы движения в сторону демократии). Так, в Японии сверху был введен парламент (1889). О. Бисмарк в Германии ввел всеобщее избирательное право для мужчин (1867 г.), хотя сама избирательная система в Пруссии была заложена революцией 1848 г. В Латинской Америке в XIX в. были случаи перехода от военной диктатуры к демократии, но последняя не могла прочно утвердиться почти ни в одной стране этого региона. Зато в XX в. (особенно в последние его десятилетия) мы видим много примеров сознательного демонтажа авторитарной и тоталитарной власти самой военной или иной диктатурой (в Испании, Чили и других странах Латинской Америки, Южной Корее, на Тайване, в Индонезии, СССР, наконец). Некоторые заметные шаги к демократизации сделаны и арабскими монархическими государствами – парадоксальным на первый взгляд образом накануне Арабской

весны большинство арабских монархий оказалось заметно более демократичным, чем большинство арабских республик [см., например: Труевцев 2011].

И такой (нереволуционный) путь перехода к демократии при прочих равных условиях может оказаться более коротким и надежным. Тем более что корреляции между демократией и темпами роста ВВП не установлено, напротив, более быстрый рост ВВП скорее будет в авторитарном обществе, чем в молодой демократии [Полтерович, Попов 2007]. А в условиях необходимости завершения модернизации темпы роста экономики имеют тем более важное значение.

Революция, демократия и контрреволюция в Египте: анализ противоборствующих сил

В июле 2013 г. Египет вошел в зону бифуркации, когда небольшая вариация параметров, включая действия или даже высказывания отдельных людей, могла привести к движению системы по радикально различным траекториям. Одна из возникших возможностей, которая теперь вряд ли сможет реализоваться в скором времени, – возможность очень значительной демократизации исламистов, резкого роста популярности среди них демократических идей.

После июльского переворота стали популярными заявления о том, что этот переворот знаменовал собой закат политического ислама [События в Египте... 2013]. На самом деле все обстоит с точностью до наоборот. На Ближнем Востоке переворот скорее дал политическому исламу второе дыхание. И при этом не только и не столько умеренному политическому исламу, сколько, к сожалению, именно радикальному.

Наши молодые египетские друзья из числа левых революционеров-либералов называют события после июля 2013 г. в Египте контрреволюцией. И мы вполне согласны с ними, но с одним существенным отличием. Революционерами контрреволюция мыслится как нечто однозначно негативное. Мы же считаем, что нынешняя египетская власть имеет и много позитивных сторон (хотя она и инициировала после 3 июля 2013 г. явное усиление авторитарных и репрессивных тенденций). Да, эти события вполне могут быть названы контрреволюцией, так как в результате к власти вернулся тот самый блок военных, экономических и бюрократических элит, который правил страной до революции 2011 г. Но, как нам уже до-

водилось показывать ранее, он управлял Египтом очень эффективно, обеспечивая в последние перед революцией годы весьма успешное (в особенности на общемировом фоне) экономическое и социальное развитие великой страны [см., например: Гринин 2012а; Гринин, Коротаев 2012б: 251–289; Коротаев, Зинькина 2011а; 2011б; 2011в; 2012а; Коротаев и др. 2012].

Однако, конечно же, Египет не вернулся сейчас в точности к тому же состоянию, в каком находился до революции. Многие, особенно в сознании людей, изменилось. В результате усиливается радикализация общества. С одной стороны, происходит радикализация движения «Братьев-мусульман» (тем более что у них есть мощная медиаподдержка в виде специального спутникового канала «Ал-Джазиры» «Мубашер Мыср»¹⁵). С другой стороны, контрреволюционная власть военных установила жесткую диктатуру и активно использует средства подавления, на которые не мог решиться Мубарак (из-за позиции Запада). В результате режим пока достаточно стабилен, но опасность его дестабилизации осталась и, возможно, даже усилилась.

Как было показано в *Главе 1*, египетская революция в 2011 г. смогла одержать неожиданно легкую победу во многом благодаря следующим обстоятельствам.

Во-первых, это произошло благодаря сильнейшему внутри-элитному конфликту. Речь, напомним, шла прежде всего о конфликте между военными («старой гвардией») и экономической элитой («молодой гвардией») – группировкой ведущих египетских бизнесменов во главе с Гамалем Мубараком.

Вторым обстоятельством, обеспечившим быстрый успех протестующих, было создание неожиданно широкого оппозиционного блока, объединившего во вполне скоординированно действовавший единый фронт левых молодых либеральных революционеро-секуляристов и исламистов.

Наблюдаемая сейчас ситуация прямо противоположна ситуации января 2011 г.

1) Египетская революция заставила местную экономическую элиту пойти на примирение с военными, и в июне 2013 г. они выступили уже единым, хорошо скоординированным фронтом, обеспечившим столь быстрое свержение Мурси [подробнее об этом см.: Исаев, Коротаев 2013; 2014а; Коротаев, Исаев 2014а; 2015а]; при

¹⁵ <http://mubasher-misr.aljazeera.net/livestream/>.

этом никаких признаков нового раскола между двумя этими группировками элиты пока не наблюдается. Экономическая элита поняла, что продолжать какие-либо серьезные попытки захватить собственность военных «себе дороже», что лучше признать их доминирующее положение в правящем блоке, а также неприкосновенность их «экономической империи» (в том числе и путем конституционных изменений). Она осознала, что любые ее серьезные попытки занять лидирующие позиции в правящем блоке могут закончиться тем, что она потеряет несравненно больше, чем может приобрести¹⁶.

2) Революция с последующей контрреволюцией привела к самому глубокому расколу среди январского (2011 г.) оппозиционного макроблока, при этом сразу по многим линиям. Внутри этого макроблока расколотым оказался даже исламистский блок, ведь режим сейчас поддерживает вторая по силе исламистская партия – партия исламистов-фундаменталистов-салафитов «Хизб ан-Нур» (и целый ряд других видных исламистов; правда, на уровне рядовых членов партии поддержка не столь очевидная, см., в частности, *Приложение 1*). Поддержка секуляристско-военного режима египетскими исламистами-салафитами (то есть теми, кого у нас называют ваххабитами) требует, конечно, отдельного комментария (как и то, что в июле 2013 г. Саудовская Аравия выступила в качестве верного союзника антиисламистского блока, включавшего в себя исключительно широкий спектр сил – либералов, националистов, левых, ультралевых – вплоть до троцкистов [Abdel Kouddous 2013; Baer 2013; Nasr 2013; al-Alawi, Schwartz 2013; al-Rasheed 2013]). Основным фактором здесь, конечно, служит то обстоятельство, что главным спонсором «Хизб ан-Нур» выступает Саудовская Аравия [Daou 2012; Lavizzari 2013]. А вот для Саудовской Аравии «Братья-мусульмане» представляют самую реальную угрозу. Вспомним, что в 1937 г. у нас провозгласить себя славянофилом было едва ли не менее рискованным, чем троцкистом (притом что для «внешнего мира» разница между сталинистами и троцкистами выглядит мало-

¹⁶ Потенциальный раскол в нынешнем правящем блоке скорее может быть связан с тем, что в него вошло и некоторое количество левых секуляристов (вспомним того же Хамдина Сабха и его Египетское народное движение [*ат-Таййар аш-ша бийй ал-мисрийй*]), а вот продолжение сотрудничества этой части правящего блока как с военной, так и (в особенности) с экономической элитой гарантировать несравненно сложнее – скорее можно ожидать, что между левыми и правыми секуляристами все-таки рано или поздно произойдет окончательный раскол.

существенной, а вот между славянофилами и марксистами – очень даже фундаментальной). Так и для саудитов троцкисты являются какой-то малореальной экзотикой; а вот «Братья-мусульмане» для них практически то же, что троцкисты для Сталина, это именно те левые мусульмане, которые ставят под сомнение легитимность их режима и предпринимают реальные усилия по его свержению [Baer 2013; Nasr 2013; al-Alawi, Schwartz 2013; al-Rasheed 2013]. И в такого рода контексте уже совершенно понятна готовность Саудовской Аравии (плюс имеющих сходные проблемы ОАЭ и Кувейта) блокироваться с кем угодно (включая антиисламистски настроенных либералов и коммунистов, не говоря уже о египетских военных и экономических элитах), чтобы ослабить «в его логове» того противника, который реально угрожает самому существованию аравийских монархических режимов (за исключением катарской монархии, которая продолжает поддерживать «Братьев-мусульман»¹⁷). С другой стороны, египетским «ваххабитам» удаление «Братьев-мусульман» с легальной политической арены по-своему выгодно объективно (вне всякой связи с саудовскими интересами), поскольку позволяет значительно усилить свои позиции и (в том числе потенциально) еще больше расширить свое представительство в египетском парламенте в качестве теперь уже главной легальной исламистской партии страны.

Расколотым оказался и секуляристский леволиберальный блок, большинство членов которого оказались столь напуганными годом правления «Братьев-мусульман», что продолжают поддерживать режим. Однако и остающиеся оппозиционными силы глубоко расколоты (см. *Приложение 1*), ведь выступающая против режима левая либерально-революционная молодежь решительно отказывается от какой-либо идеи нового блока с «Братьями-мусульманами» – достаточно сказать, что один из их главных лозунгов – *Йаскут, йаскут илли хан, ин кана `аскар ау ихван* – переводится как «Долой, долой всех тех, кто изменил – будь то военные или “Братья-мусульмане”!» Мы полагаем, что новые революционные парадоксы в Египте не заставят себя ждать.

¹⁷ В результате между странами Залива и Катаром возникла напряженность вплоть до отзыва послов [см., например: Гафуров 2014].